

РУССКОЕ ПОЛЕ: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА РУБЕЖА. ВВЕДЕНИЕ

Елена Богданова, Михаил Габович

Елена Богданова – научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Адрес для переписки: ЦНСИ, 191040, Санкт-Петербург, Россия, а/я 193. bogdanova.nova@gmail.com.

Михаил Габович – научный сотрудник Эйнштейновского форума, Потсдам (Германия). Адрес для переписки: Einstein Forum, Am Neuen Markt 7, 14476, Potsdam, Germany. mischa.gabowitsch@einsteinforum.de.

В настоящем выпуске *Laboratorium* представлена подборка статей, в основу которых легли доклады на конференции «Русское поле: взгляд из-за рубежа» (Санкт-Петербург, май 2009 года). К участию в конференции были приглашены иностранные исследователи, которые проводили полевые исследования в России. На конференции они освещали результаты своей работы российским коллегам, причем большинство докладов было представлено на русском языке. Критерием отбора послужила не столько дисциплинарная принадлежность, сколько использование этнографических методов (в самом широком смысле). Именно поэтому на конференции звучали доклады антропологов, социологов, политологов и устных историков, а один из докладов был представлен исследователем истории искусства. В другом отношении ограничения были строже: к участию были приглашены только исследователи, получившие (или, как минимум, продолжившие) образование за пределами России.

Организаторы встречи – сотрудники Центра независимых социологических исследований – среди прочего были вдохновлены опытом аналогичной конференции, проведенной десятью годами ранее в Тюбингене (Германия) под названием «Осматривая Германию» (Hauschild und Warneken 2002). Та конференция дала немецким исследователям возможность познакомиться со взглядами иностранных коллег на германское общество и, несомненно, расширила границы их понимания собственного социума. Организаторы конференции в Санкт-Петербурге надеялись повторить этот опыт, познакомив российских коллег с новыми взглядами на различные аспекты российской действительности, которые им зачастую кажутся чем-то само собой разумеющимся. В духе Гарольда Гарфинкеля (который являлся в том числе членом редакционного совета *Laboratorium*) те наблюдения, которые озвучивались иностранными исследователями, должны были пошатнуть рутинные представления россиян о нормальном, острая привычные практики и тем самым делая их предметом для обсуждения и дальнейшего изучения.

В определенном смысле эксперимент был обречен на провал.

Оригинальность тюрбингенской конференции и сборника, опубликованного по ее итогам, заключалась именно в том, что для немецких этнографов задача привлечь во внимание взгляд иностранного исследователя на Германию была относительно новой. Конечно, самовосприятие Германии сформировалось в диалоге и в соперничестве с соседними странами, особенно с Францией. Немецкие философы, антропологи, историки и лингвисты с конца XVIII века привычно рассуждали о якобы менее развитых обществах Восточной Европы, Азии, Африки и Америки. Изучение этих регионов оказалось весьма продуктивным для понимания собственной страны, но право делать соответствующие выводы оставалось за немцами. Германия поздно присоединилась к гонке за заморскими колониями, и потому ее положение отличалось от классических случаев Великобритании и Франции, изучение которых впоследствии создало парадигму постколониальных исследований. И все же интеллектуальная асимметрия была похожей: в XIX и начале XX века наиболее влиятельное в мире научное сообщество на глобальном «исследовательском» рынке прочно заняло свое место в ряду экспортеров. Именно поэтому тюрбингенская попытка представить противоположный, «обратный» взгляд оказалась крайне продуктивной: исследователи из стран глобального Юга или даже из индустриальных стран, интеллектуальные традиции которых сильно отличались от немецких, смогли представить вполне оригинальные взгляды на практики, которые до этого редко изучались иностранцами – от прогулок с собаками и блошиных рынков до повседневного обращения с представителями этнических меньшинств. Подобные эксперименты обогатили изучение других бывших колониальных держав и вообще стран, доминирующих в интеллектуальном и экономическом отношениях. Лучшие, наиболее интересные образцы исследований метрополий, вдохновленные Францом Фаноном, Группой исследователей угнетения (Subaltern Studies Group) или исследованиями белизны (whiteness studies), сумели пролить свет на ранее нерефлектировавшиеся практики и внести заметный вклад в понимание этими обществами самих себя¹. В частности, в последние годы механизмы исключения, действующие в современных западных обществах, наиболее вдумчиво анализируют именно выходцы из традиционно мусульманских стран (см., например, Асад 2003).

Российский случай очевидно отличается от вышеописанных: научным и, в частности, этнографическим изучением России с самого начала занимались иностранцы (Рое 2000) или, по меньшей мере, оно происходило в постоянном диалоге с ними. Систематические попытки национализации науки и создания самобытных российских вариантов таких дисциплин, как история, антропология (этнология) и социология предпринимались с начала XX века и продолжались на протяжении

¹ Из недавних примеров можно назвать работу кенийского антрополога, написавшего этнографический отчет о поведении своих американских коллег (Ntarangwi 2010). В этой волне «обратной этнографии» в последние годы участвуют и российские (по происхождению и/или образованию) исследователи. Несмотря на то, что в центре их интересов оказываются в основном «этнические» темы, такие как жизнь русскоязычных эмигрантов на Западе (см., например, Darieva 2004, Lakizyuk 2007, Roberman 2007), постепенно они осваивают и сравнительную этнографию (пример: Pachekov 2008).

почти всего советского периода. Несмотря на эти попытки (а скорее – благодаря им), Россия остается периферийным участником международного поля социальных наук, и, как и большинство национальных научных сообществ в современном мире, российские социальные ученые постоянно импортируют свой концептуальный аппарат и исследовательские вопросы с Запада. Этот процесс, обсуждавшийся в свое время под заголовком «исследовательской колонизации» (Csepeli, Örkény, and Scheppele 1996), продолжается, несмотря на отдельные попытки повернуть интеллектуальные потоки в обратную сторону. Примерами последних могут служить использование Домиником Буайе и Алексеем Юрчаком позднесоветского понятия «стеба» для анализа современной культуры Соединенных Штатов (Boyer and Yurchak 2010) или же влиятельные, но редкие заимствования понятийного аппарата российских авторов начала XX века, таких как Лев Выготский или Николай Кондратьев.

Имея в виду все эти отличия, следовало ли ожидать от западных этнографов чего-то действительно нового только потому, что перед нами исследователь иностранного происхождения? Возможно, и следовало.

Понятия, осваиваемые российскими социальными науками, в большинстве своем произрастают из изучения западных обществ, о чем свидетельствует широкое распространение, которое получили такие модные слова, как «модернизация», «гражданское общество» или «гендер»². Однако с 1980-х годов западные этнографы обратились к исследованию тех явлений, которые ранее обходили вниманием как их российские (советские) коллеги, так и те западные ученые, которых интересовали, главным образом, политические и экономические макропроцессы. Кэролайн Хамфри, например, начавшая полевые исследования в Бурятии еще в 1966 году, описала повседневную жизнь одного колхоза в этом регионе, абстрагируясь от идеологических стереотипов времен холодной войны. Ее исследование было впервые опубликовано в 1983 году. Марджори Бальцер аналогичным образом с конца 1970-х годов исследовала ритуалы и гендерные режимы среди хантов на севере России (см., например, Balzer 1983). Майкл Буравой и Кэтрин Хендли (см., например, Burawoy and Hendley 1992) интересовались социологией индустриального труда в эпоху, когда эта тема была, пожалуй, наименее модной среди их российских коллег. Однако, возможно, лучшим примером является книга Нэнси Рис «Русские разговоры», автор которой выявила некоторые из механизмов, структурирующих повседневное общение в перестроечной Москве (Ries 1997). В каждом из этих случаев (а также в ряде других) именно серьезная этнографическая подготовка, наряду с интересом к тому, что иностранцам казалось наиболее экзотичным, а россиянам – наиболее банальным, позволила авторам прийти к оригинальным выводам, которые в свою очередь становились стимулами для дальнейших исследований их российских коллег³. Проект Даниэля Берто по изучению межпо-

² См. Hann and Dunn 1996, особенно введение и главу, написанную Стивеном Сэмпсоном. В этом сборнике последовательно проведена идея различия между западной действительностью и западными моделями, весьма значимая для обсуждаемой темы.

³ В этом ряду имеет смысл упомянуть и работу «Глаз бури» норвежского социального антрополога Фиина Сиверта Нильсена. Его исследование производства смыслов в повседневной

коленческой социальной мобильности, крестьяноведение Теодора Шанина, исследования социальных изменений и культурной мобильности Элины Хаавио-Маннила, Й.-П. Рооса и Анны Роткирх, проекты Хилари Пилкингтон по изучению молодежных субкультур, исследования Юргена Фельдхоффа и уже упоминавшегося Майкла Буравого по индустриальной социологии – вот лишь несколько примеров исследовательских проектов, основанных на этнографическом наблюдении, которые были разработаны иностранными исследователями в сотрудничестве с российскими коллегами и впоследствии послужили толчком к независимым исследованиям, проведенным российскими социологами и антропологами уже самостоятельно.

В последние годы этнографическое изучение постсоветских реалий, как в России, так и за ее пределами, пересекло дисциплинарные границы. Англоязычные антропологи опубликовали большое количество работ о постсоциалистической действительности. Эти исследования вписывают российский опыт в ту общую волну нелиберальных преобразований, которая превратила самые разные страны – от Монголии до Кубы и от Восточной Германии до Вьетнама – из плановых хозяйств, ориентированных на производство, в общества потребления. При этом англоязычные авторы зачастую не знакомы с не менее тонкими исследованиями отдельных стран, выросшими из давних традиций изучения России и Советского Союза во Франции, Финляндии, Нидерландах и немецкоязычных странах⁴. Следует отметить, что и политологи все больше используют этнографические методы (см., например, Allina-Pisano 2007 и, шире, Schatz 2009), и даже среди филологов недавно прозвучал призыв приглядеться к исследовательскому аппарату антропологии (Платт 2010).

Несмотря на то, что существует некоторое «перекрестное опыление» между дисциплинами и, в особенности, между антропологией и этнографической социологией, по-прежнему сохраняется и значительная дисциплинарная специфика восприятия Русского поля и степени его самобытности. Однако помимо этой разницы в исследовательских перспективах, существуют также значительные поколенческие различия в суждениях о единстве и специфике России как предмета исследований. Эти отличия не менее значимы для настоящего выпуска.

жизни и слабости советского государства в Ленинграде в начале 1980-х годов было завершено в 1986 году, но опубликовано лишь в 2004 году в русском варианте и в 2006 – в английском. Представленная автором (и в этом почти нет никакого преувеличения) как «единственное полевое антропологическое исследование, проведенное в советском городском контексте», книга оказалась менее влиятельной, чем вышеназванные работы, ввиду того, что была сравнительно поздно опубликована, но тем не менее она достаточно известна по крайней мере среди исследователей Петербурга (и исследователей-петербуржцев).

⁴ Полезный обзор англоязычной литературы по постсоциализму представлен в статье: Rogers 2010. Что касается работ исследователей из неанглоязычных стран, то в контексте настоящего введения достаточно будет упомянуть несколько примеров, так или иначе затрагивающих Россию: Alarpuo, Liikanen, and Lonkkila 2004, Favarel-Garrigues 2007, Gdaniec 2005, Gessat-Anstett 2007 (см. также рецензию на эту книгу в настоящем номере *Laboratorium*), Lonkkila 2011; Visser 2005.

В восприятии Русского поля наблюдается поколенческая динамика, отражающая интеграцию все большего числа россиян в глобальные процессы – или, как минимум, процессы международные, ведь интеллектуальный обмен между Россией и незападными странами по-прежнему является в лучшем случае эпизодическим. Идея организовать конференцию о Русском поле была вполне восторженно принята старшими иностранными коллегами. Многие из них сразу стали вспоминать опыт работы в советской России – возможно, наиболее экзотичный во всей их профессиональной биографии: истории получения визы в Советский Союз, бесконечные разрешения на исследования, жизнь в специальных режимных общежитиях и гостиницах, контроль за всеми действиями и чрезвычайно насыщенная рефлексия исследователей, попавших в «другую» социальную реальность. Для людей, переживших такой опыт, «инаковость» России, как правило, не подлежит сомнению. Именно она и делает Русское поле столь завораживающим. Более молодые этнографы чаще ставят под вопрос значение российской специфики. Стоит отметить, что по ряду причин (в частности – чтобы сфокусировать внимание на исследовательском восприятии Русского поля сегодня) организаторы конференции решили не включать доклады, касающиеся исключительно советского периода.

Со второй половины 1980-х годов, в связи с ослаблением ограничений на передвижения, научные биографии стали более разнородными, и теперь в Русском поле работает множество исследователей, для которых вовсе не очевиден ответ на вопрос о том, кто они по отношению к этому полю – свои или чужие, местные или неместные, участники или внешние наблюдатели. В их числе – социологи и антропологи, получившие образование в России, но впоследствии добившиеся профессионального успеха и признания за ее пределами; российские исследователи, продолжившие образование за рубежом; авторы родившиеся или выросшие в России, но учившиеся только за ее пределами; ученые, чьи профессиональные биографии включают работу как в российских, так и в иностранных научных заведениях; российские коллеги, часто выезжающие за границу на стажировки; наконец, выходцы из стран Запада, освоившие русский язык и правила российской научной культуры до такой степени, которая позволяет им стать полноправными участниками российских научных дискуссий. Все эти типы биографий представлены как среди членов редакционной коллегии и совета *Laboratorium*, так и среди участников конференции «Русское поле». В каждой из названных категорий есть авторы, регулярно публикующиеся и на русском, и на других языках. Нельзя сказать, что ограничения на проведение исследований в России с исчезновением советского контроля исчезли совсем. Так, Жиль Фаварель-Гарриг, один из исследователей, приглашенных к участию в конференции, не смог приехать в Санкт-Петербург, поскольку ему было отказано в визе (что по всей вероятности косвенным образом связано с темой его исследований – экономическая преступность). Годом раньше один из авторов этого введения был задержан под Нижним Новгородом в ходе проведения включенного наблюдения в анархистском палаточном лагере. Тем не менее, такие меры не идут ни в какое сравнение с ограничениями советского времени – они скорее напоминают вполне обычные трудно-

сти, с которыми сталкиваются ученые при проведении эмпирических исследований и в других регионах мира, включая и Западную Европу.

Если говорить о тематике, то надо сказать, что среди исследователей Русского поля есть те, кто изучают в нем необычное – то, чего они не находят у себя дома: коммунальные квартиры, солдатских матерей. Других интересует то, что существует и в их обществах, но в России принимает специфические формы: демократия, гражданское общество, Self⁵. Сегодня первых становится меньше, а последних – больше: в том числе в результате вышеописанной поколенческой динамики (но далеко не только из-за нее). Русское поле превращается в российский кейс. Как и в любой этнографической работе, кросскультурное остранение и здесь по-прежнему является полезным инструментом. Однако уже нельзя исходить из того, что культурные границы, которые следует пересечь, – это всегда границы между Россией и иностранными национальными культурами. Как и в любом другом случае, в качестве таких границ могут выступать возраст, социальная среда или способ и степень включенности в процессы международной мобильности. Таким образом, единого Русского поля сегодня не существует, и, тем не менее, внешний взгляд может быть крайне продуктивен для понимания хорошо знакомого. Диалог между иностранными и российскими исследователями не только способствует лучшему пониманию последними собственной страны, но и заставляет их задуматься над более широким международным и теоретическим значением собственных исследований – направление, которое в российских социальных науках по-прежнему развито очень слабо (Габович 2008; 2009).

Наконец, прежде чем представить включенные в настоящий выпуск статьи, стоит упомянуть об одном значимом пробеле. Почему в номере нет статей западных авторов – исследователей России, например, из Японии, Нигерии или Бразилии? Организаторы конференции приложили усилия к поиску таких участников: приглашение на «Русское поле» широко распространялось по международным научным сетям. Тем не менее, не поступило ни одной заявки из западных стран. Мы не знаем, вызвано ли это трудностями чисто технического (в частности, финансового) характера, слабой включенностью этих стран в международный научный обмен или какими-то другими причинами. В любом случае внимание к западным взглядам на Россию – и в особенности к тому видению, которым обладают исследователи из бывших советских республик и стран-сателлитов, остается важной задачей на пути к интернационализации исследовательского аппарата российских социальных наук.

Каждая из пяти статей настоящего выпуска включает интенсивное эмпирическое изучение того или иного сегмента «Русского поля», и этот сегмент становится отправной точкой для обобщений, имеющих значение не только для российских

⁵ Стоит упомянуть, что почти треть заявок на участие в конференции представляли доклады, где анализировались те или иные проблемы российского села. К сожалению, ни один из представленных на конференции текстов не вошел в данный номер, и в результате в нем освещаются исключительно городские сюжеты. Тем не менее необходимо отметить интерес западных исследователей к проблемам российского села – возможно, наиболее экзотичного из российских социальных пространств.

исследований, но и для всей дисциплины, в рамках которой осуществлено исследование. Представляемая Ивором Стодольским «мультилектическая анатомия», возможно, наиболее амбициозна в этом отношении. Опираясь на кейс зрительского восприятия акций Санкт-Петербургского художника Тимура Новикова, Стодольский развивает способ моделирования культурных явлений и их эффектов, который в чем-то напоминает классические версии структурализма, но при этом особенно «заточен» под современные формы популярной культуры. Хотя его метод был отчасти разработан в диалоге с антропологическими теориями стеба в советской и постсоветской культуре, сам он совершенно независим от советского контекста. Категоризация культурных артефактов как «сырых», «приготовленных» и «упакованных» в будущем, вероятно, найдет интересное применение и за пределами Русского поля.

Что касается остальных статей номера, то в каждой из них заявка на универсальную применимость той или иной теории проверяется на российском материале.

Мери Кулмала – политический этнограф – рассматривает широко распространенные на Западе теории о том, как гражданское общество и государство взаимодействуют друг с другом вообще и, в частности, в российском контексте. Полемизуя как с либеральной, так и с государственнической моделью, каждая из которых исходит из того, что речь идет о двух совершенно отличных друг от друга образованиях, она показывает, что между ними существует множество взаимосвязей и пересечений. В данном случае транснациональная (конкретно – финско-российская) перспектива, похоже, пошла на пользу как исследуемым субъектам (российским жителям Карелии, озабоченным благосостоянием непривилегированных групп населения), так и исследователю: тесное сотрудничество и даже частичное тождество гражданских организаций и государства хорошо известно из скандинавского контекста – как практика и как теоретическая модель. Фокусируя внимание на этом аспекте и делая выводы, касающиеся России в целом, Кулмала делает вклад в формирование более тонкого, учитывающего разного рода нюансы понимания российского общества, которое на географических окраинах России, возможно, уже нельзя понять вне взаимодействия с соседними странами.

Катарина Клигсайд, привносящая этнографию в исследования культуры и, в частности, моды, приходит к выводу, что в области одежды различия между Россией и Западной Европой перевешивают сходства. Вполне возможно, что Россия на сегодняшний день является одним из лучших полей для изучения социальных функций гламура, ведь здесь, в отличие от Запада, пережившего культурную революцию 1968 года, гламурные одежда и поведение распространены повсеместно – а в ходе постсоветских общественных преобразований, возможно, стали даже еще более распространенными. Эмансипированным жительницам западных стран внимание российских женщин к внешним маркерам женственности может казаться странным и необычайно конформистским. Однако из аргументации Клигсайд, по-видимому, следует, что более строгие формальные правила, регламентирующие внешний вид постсоветских женщин, обуславливают и свободу, как и все жесткие, но общепризнанные поведенческие рамки, которые смела на своем пути западная культурная революция с ее требованиями неограниченной аутентично-

сти. В данном случае Русское поле может помочь обратить внимание на некоторые особенности европейских обществ и поставить под вопрос их претензии на универсальность или очевидное превосходство.

Юлия Лернер обращается к другому аспекту современных западных обществ, которому зачастую приписывается, как минимум, потенциальная универсальность: терапевтический эмоциональный стиль, который ставит личный Self и его проблемы во главу угла в публичном дискурсе, обращенном к отдельным индивидам. Опираясь на социологическую литературу, показывающую, что этот стиль производится тем, что Эва Иллоуз называет эмоциональным капитализмом (Illouz 2007), Лернер показывает, что условия, в которых производится внедрение этого стиля в Россию, сильно отличаются от тех, которые ранее определяли его развитие в постиндустриальных обществах Запада. В частности, в русской культуре отсутствует понятие «Self», поддающееся терапевтическому дискурсу и практике. В отличие от Запада, где определенная разновидность психологического жаргона прочно вошла в культурный мейнстрим, в российском случае терапевтическая культура развивается на телеэкране и в других масс-медиа вне разделяемого всеми психологического знания. Как и Клингсайдс, Лернер освещает те условия, в результате которых, казалось бы, схожее явление в российском контексте производит иные эффекты (а тем самым она выявляет и специфику этого явления – в данном случае – терапевтической культуры – и в западном контексте).

Наконец, предпринятый Аникой Вальке микроэтнографический анализ одного интервью, проведенного в рамках исследования по устной истории, способствует размышлению о социально обусловленных и интернализованных границах того, о чем дозволено говорить приватно и публично. Восстанавливая табу, накладываемые с советских времен на автобиографические нарративы женщин, Вальке размышляет о том, как коммунистическая мораль способствовала маргинализации опыта женщин на войне, в партизанских отрядах, и, в частности, опыта сексуального насилия над гендерным субъектом. При этом она показывает также, в чем специфические советские ограничения усиливают, а в чем – отличаются от более универсальных процессов исключения женщин.

Представленные в настоящем выпуске статьи показывают, что изучение современной России этнографически ориентированными социальными учеными из-за ее пределов давно перестало быть всего лишь составной частью страноведения à la area studies. Этнография российского общества все больше включена в дискуссии, имеющие общемировое значение. По ту сторону многократно обсуждавшихся особенностей постсоциализма, Русское поле остается одними лучших мест для изучения универсальной применимости западных теорий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берто, Даниэль, Виктория Семенова и Екатерина Фотеева. 1996. *Судьбы людей: Россия XX век*. Москва.
- Габович, Михаил. 2008. К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // *Вестник общественного мнения* 4(96). С. 50–61.
- Габович, Михаил. 2009. Лаборатория социальных наук. Приглашение к эксперименту // *Laboratorium. Журнал социальных исследований* 1(1). С. 5–12.

- Платт, Кевин М.Ф. 2010. Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста // *Новое литературное обозрение* 6. С. 13–26.
- Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. 2002 / Под редакцией Шанина, Теодора, Александра Никулина и Виктора Данилова. М.: МВШСЭН, РОССПЭН.
- Сиверт Нильсен, Финн. 2004. *Глаз бури*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Alapuro, Risto, Ilkka Liikanen, and Markku Lonkila (eds.). 2004. *Beyond Post-Soviet Transition: Micro-Perspectives on Challenge and Survival in Russia and Estonia*. Helsinki: Kikimora.
- Allina-Pisano, Jessica. 2007. *The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Asad, Talal. 2003. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.
- Balzer, Marjorie. 1983. Ethnicity Without Power: The Siberian Khanty in Soviet Society. *Slavic Review* 42(4):633–648.
- Boyer, Dominic, and Alexei Yurchak. 2010. American Stioib: Or, What Late-Socialist Aesthetics of Parody Reveal about Contemporary Political Culture in the West. *Cultural Anthropology* 25(2):179–221.
- Burawoy, Michael, and Kathryn Hendley. 1992. Between Perestroika and Privatization. Divided Strategies and Political Crisis in a Soviet Enterprise. *Soviet Studies* 44(3):371–402.
- Csepeli, György, Antal Örkény, and Kim Lane Scheppele. 1996. Acquired Immune Deficiency Syndrome in the Social Sciences in Eastern Europe: The Colonization of the Social Sciences in Eastern Europe. *Social Research* 63(2):487–510.
- Darjeva, Tsypylma. 2004. "Russkij Berlin". *Migranten und Medien in Berlin und London*. Berlin: Lit-Verlag.
- Favarel-Garrigues, Gilles. 2007. *Police des mœurs économiques, de l'URSS à la Russie, 1965–1995*. Paris: Fayard.
- Gdaniec, Cordula. 2005. *Kommunalka und Penthouse. Stadt und Stadtgesellschaft im postsowjetischen Moskau*. Münster: Lit-Verlag.
- Gessat-Anstett, Elizabeth. 2007. *Une Atlantide russe : Anthropologie de la mémoire en Russie post-soviétique*. Paris : La Découverte.
- Gronow, Jukka, Elina Haavio-Mannila, Markku Kivinen, Markku Lonkila, and Anna Rotkirch. 1997. Cultural Inertia and Social Change in Russia. University of Helsinki, Department of Sociology.
- Hann, Chris M., and Elizabeth Dunn (eds.). 1996. *Civil Society: Challenging Western Models*. London etc: Routledge.
- Hauschild, Thomas, and Bernd J. Warneken (Hrsg.). 2002. *Inspecting Germany: Internationale Deutschland-Ethnographie der Gegenwart*. Münster: Lit-Verlag.
- Humphrey, Caroline. 1983. *Karl Marx Collective: Economy, Society, and Religion in a Siberian Collective Farm*. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Maison des sciences de l'homme.
- Humphrey, Caroline. 1999. *Marx Went Away, But Karl Stayed Behind*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Illouz, Eva. 2007. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press.
- Lakizyuk, Olga. 2007. *Jugendliche Aussiedler im Osten und Westen Deutschlands: eine exemplarische Studie am Beispiel der Städte Bielefeld und Magdeburg*. PhD dissertation. <http://bison.uni-bielefeld.de/volltexte/2007/1119>. Accessed July 1, 2011.
- Lonkila, Markku. 2011. *Networks in the Russian Market Economy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Ntarangwi, Mwenda. 2010. *Reversed Gaze: An African Ethnography of American Anthropology*. Urbana: University of Illinois Press.
- Pachenkov, Oleg. 2008. Germany through the Prism of the Flea Market. In: *Trilateral Cultural Exchange in Germany. Deutschland aus US-amerikanischer, russischer und chinesischer Sicht. Erfahrungsberichte des 17. Jahrgangs der Bundeskanzlerstipendiaten 2006/2007*. www.

- humboldt-foundation.de/pls/web/docs/F23318/reflections_06.pdf. Accessed July 1, 2011.
- Pilkington, Hilary. 1994. *Russia's Youth and its Culture: A Nation's Constructors and Constructed*. London; New York: Routledge.
- Poe, Marshall T. 2000. "A People Born to Slavery." *Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca: Cornell University Press.
- Ries, Nancy. 1997. *Russian Talk: Culture and Conversation During Perestroika*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Roberman, Sveta. 2007. Commemorative Activities of the Great War and the Empowerment of Elderly Immigrant Soviet Jewish Veterans in Israel. *Anthropological Quarterly* 80(4):1035–1064.
- Rogers, Douglas. 2010. Postsocialisms Unbound: Connections, Critiques, Comparisons. *Slavic Review* 69(1):1–15.
- Schatz, Edward (ed.). 2009. *Political Ethnography: What Immersion Contributes to the Study of Power*. Chicago: University of Chicago Press.
- Šeršneva Elena, Jürgen Feldhoff. 1998. *The Culture of Labour in the Transformation Process: Empirical Studies in Russian Industrial Enterprises*. Frankfurt am Main; New York; Berlin: Peter Lang.
- Sivert Nielsen, Finn. 2006. *The Eye of the Whirlwind. Russian Identity and Soviet Nation-Building. Quests for Meaning in a Post-Soviet Metropolis*. www.anthrobase.com/Txt/N/Nielsen_F_S_03.htm. Accessed July 1, 2011.
- Visser, Oane. 2010. Insecure Land Rights, Obstacles to Family Farming, and the Weakness of Protest in Rural Russia. *Laboratorium. Russian Review of Social Research* 2(23):275–295.